

А.Т. Щедрин

Харьковская государственная академия культуры,
к. филос.н., доц. каф. философии и политологии

**АЛЬТЕРНАТИВНОЕ БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НЕ НАСТУПИЛО:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ
«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ»**

Рассмотрены социокультурные проекции повести, отмечены события в советском и мировом социокультурном пространстве на рубеже 50-х – 60-х гг. XX в., которые стали культурными основаниями произведения, дан анализ её научных, технико-технологических, литературных, проекций произведения, его социально-этических аспектов, выявлены парадоксы СБТ, дана их интерпретация в контексте направления научной фантастики, которое получило название альтернативной, или виртуальной, истории, отмечена трансформация утопии в антиутопию.

Ключевые слова: социокультурное пространство, научная фантастика, наука, альтернативное будущее, Венера, утопия, антиутопия

А. Т Щедрін.

**АЛЬТЕРНАТИВНЕ МАЙБУТНЄ, ЯКЕ НЕ НАСТАЛО : СОЦІОКУЛЬТУРНІ ВИМІРИ
ПОВІСТІ А. І Б. СТРУГАЦЬКИХ «КРАЇНА БАГРЯНИХ ХМАР» (КБХ)**

Розглянуті соціокультурні проєкції повісті, відзначені події в радянському і світовому соціокультурному просторі на межі 50-х – 60-х рр. XX ст., що стали культурними підставами твору, дано аналіз її наукових, техніко-технологічних, літературних, проєкцій твору, його соціально-етичних аспектів, виявлені парадокси КБХ, надано їх інтерпретації в контексті напряму наукової фантастики, що набув назву альтернативної, або віртуальної, історії, відзначена трансформація утопії в антиутопію.

Ключові слова: соціокультурний простір, наукова фантастика, наука, альтернативне майбутнє, Венера, утопія, антиутопія

A. Tchedrin

**THE ALTERNATIVE FUTURE, WHICH HAS NOT COME: SOCIOCULTURAL OF
MEASUREMENT OF THE STORY A. AND B. STRUGATSKI «THE COUNTRY OF CRIMSON
CLOUDS» (CCC)**

Are considered sociocultural of a projection of the ocioculturalstory, the events in Soviet and world sociocultural space on a boundary 50-60 years XX of century, which became the cultural bases of product, the analysis it scientific, engineering-technological, literary, projections of product, its social-ethical aspects is given, the paradoxes CCC are revealed, is given to their interpretation in a context of a direction of science fiction, which receives the name alternative, or virtual, history, transformation utopia in antiutopia

Key worlds: Sociocultural of measurement, science fiction, science, the alternative future, Venus, utopia, antiutopia.

Актуальность проблемы. Книги братьев А. и Б. Стругацких (АБС), превратились в заметный феномен советский и постсоветской культуры. «Точкой расширения» многоцветной и яркой «Вселенной Стругацких», исходным пунктом становления целостного хронотопа их мира, стала повесть «Страна багровых туч» (СБТ), которая стала

заметным феноменом культуры. Социокультурные контексты бытия этого произведения позволяют выявлять в нем всё новые измерения, «проекции»; само их наличие, в свою очередь, позволяет выполнить непростую задачу позиционирования не только СБТ, но и всего творчества АБС в координатах советского социокультурного пространства, отношений с его мировоззренческим, смыслообразующим «центром».

Социокультурные проекции повести СБТ, с одной стороны, отразили тренды, определяющие философско-культурологическую специфику проекта советского Модерна, его фундаментальных основоположений и противоречий. С другой стороны, творчество АБС не только отражало эту специфику, но и само стало возможным именно в его социокультурном пространстве. Поэтому обсуждение культурологических аспектов СБТ, как и «обсуждение советского периода в истории нашего общества, – отмечают сегодня культурологи, – отличается острой эмоциональностью и диаметральной оценкой» [1, с. 75]. Одним из путей решения поставленной проблемы является обращение к истокам, у которых и находится СБТ.

Источники и публикации по теме исследования. СБТ увидела в свет в 1959 г. и вызвала широкий интерес в стране и за рубежом. В 1960 г. состоялось её переиздание. А затем её дальнейшая судьба (как и всего творчества АБС в «поздний» советский период), оказалась достаточно сложной, она попала в «полосу молчания», хотя и неизменно пользовалась успехом у читателей; вновь СБТ была опубликована только в 1969 г. В десятитомное Собрание сочинений АБС, опубликованное в 1991 – 1993 гг. в издательстве «Текст», СБТ вообще не вошла; как отмечал сам Б. Стругацкий, «под давлением общественности», по многочисленным и настоятельным просьбам читателей СБТ была помещена во второй, дополнительный том [2, с.5]. Позднее СБТ была перепечатана в серии «Миры Братьев Стругацких», основанной в 1996 г московским «Издательством АСТ» и петербургским издательством «Terra Fantastica». Важной для фактологического обеспечения философско-культурологического анализа СБТ является также работа, проделанная составителями Собрания сочинений АБС в одиннадцати томах, – Донецким издательством «Сталкер» при участии упоминавшегося издательства «Terra Fantastica».

Различные аспекты творчества АБС привлекали внимание, прежде всего, литературоведов и философов, работающих в сфере фантастиковедения (А.Ф. Бритиков, Ю.И. Кагарлицкий, Б.В. Ляпунов, А.А. Розанова, А. Шек, В. Сербиненко, С. Лифанов, М.Ф. Амусин), философов и культурологов (С.Б. Крымский, А.Ф. Лосев; П. Вайль и А. Генис), журналистов (А. Кузнецова, Л. Ашкинази), писателей-фантастов (Г.И. Гуревич, С.Б. Переслегин). Однако повесть СБТ как целостный социокультурный феномен была обойдена вниманием исследователей.

Цель исследования. В социокультурном пространстве эпохи каждый артефакт культуры позиционируется по отношению к её смыслообразующему «ядру», структурообразующим элементам, мировоззренческим доминантам и трендам развития. Это позиционирование проявляется в эмпирически и теоретически фиксируемых планах, «проекциях», которые присущи всем культурным артефактам. Поэтому и в СБТ как литературном произведении присутствует определённый набор таких «проекций», анализ которых является *целью* данной статьи.

Результаты исследования и их обсуждение.

Социокультурный контекст создания СБТ. Временные рамки, своеобразный «коридор создания» СБТ, в котором, собственно, и могла появиться повесть как *артефакт советского социокультурного пространства*, определялся целым рядом важнейших событий; именно они определяли всю метрику не только советского, но и трансформирующегося мирового социокультурного пространства середины XX в., его смыслообразующие координаты.

Прежде всего, с запуском первого советского искусственного спутника Земли в октябре 1957 г. история человечества разделилась на *докосмическую* и *космическую*; запуск первого ИСЗ стал важным событием в проведении Международного Геофизического Года, который начался в том же 1957 г. и стал уникальным событием в международной научной жизни; возникшие постоянные станции в Антарктиде мыслились как прообразы поселений землян на Луне, Марсе, городов на Венере, которые, как ожидалось, должны были вскоре стать реальностью; первый ледокол с атомным двигателем и первый «Лунник» убеждали в том, что и флот космических кораблей с атомными двигателями позволит быстро и эффективно освоить Солнечную систему; был проведен Фестиваль молодёжи и студентов в Москве, продемонстрировавший беспрецедентную (но недолгую) открытость страны окружающему миру, что вело к возникновению нового чувства единства страны и мира, выходу из изоляции, длившейся на протяжении предшествующих десятилетий; возникло Пагуошское движение учёных, объединившее в своих рядах подлинную интеллектуальную элиту Земли; на международной конференции в Харуэлле (Великобритания) были рассекречены работы в области управляемого термоядерного синтеза, что вселяло надежды на скорое достижение энергетического изобилия; надежды на длительный (а может и вечный мир) людей, переживших самую кровавую войну в истории и осознавших себя жителями планеты Земля, вызвали переговоры о всеобщем и полном разоружении; мир без войн открывал, казалось бы, перспективы неограниченного научно-технического и социального прогресса, становился прочной основой для продвижения Человечества во Вселенную; этот вектор развития человечества получил художественное отражение в «Туманности Андромеды» И.А. Ефремова, которая уверенно заняла место рядом с «Утопией» Т. Мора или «Новой Атлантидой» Ф. Бэкона.

Отмеченные события и процессы определяли не только устойчивые тренды развития культуры, метрику социокультурного пространства конца 50-х – начала 60-х гг. XX в., но и механизм формирования артефактов эпохи, – в том числе и СБТ, и всего раннего творчества АБС. Определённая «фокусировка» этих трендов ускорялась в контексте развёртывания научно-технической революции (НТР) и вела к тому, что контуры Утопии, казалось, обретали реальность, «оплотнялись» в широком веере явлений культуры, среди которых была и СБТ, и другие произведения раннего периода творчества писателей [4, с.211, 228 – 229]. Следует также отметить, что в социокультурном пространстве конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. дорогу в Утопию искали не только писатели-фантасты; очень часто построения видных экономистов выглядели смелее, чем построения мастеров слова и воображения [5, с. 122 – 163].

Культурная «проекция» СБТ. В творчестве писателей СБТ стала первым крупным совместным произведением. Окончательный авторский вариант этой повести был закончен в апреле 1957 г. и на протяжении двух лет он подвергался «жесткому» редактированию в Детгизе; отметим, что цензура будет сохраняться в СССР практически вплоть до его распада. В результате сложилась ситуация, которая затем повторялась неоднократно: «практически все авторские тексты были в большей или меньшей степени искажены и изуродованы – либо рукой идеологически подкованных редакторов, либо (под давлением начальства) рукою самих авторов» [6, с. 5]. Казалось бы, на заре космической эры повесть о путешествии на Венеру, запоминающиеся образы героев, их подвиги во славу великих целей, – всё это вместе взятое, должно было бы обеспечить долгожительство этому произведению АБС в советском социокультурном пространстве. Но этого не произошло. Хотя СБТ всё же вышла в 1959 г., была переиздана в 1960 г., её новое возвращение к читателю состоялось лишь через девять лет, в 1969 г.

Столь длительное «выпадение» СБТ из отечественного социокультурного пространства если и не является полностью литературной загадкой, то, по крайней мере, нуждается в объяснениях, выходящих за пределы исследования литературных, литературно-идеологических перипетий 60-х гг. XX в. При изучении философско-

социологических, культурологических аспектов творчества писателей-фантастов постоянно возникает проблема, близкая создателям прогнозов будущего – неизбежного **рассогласования ожидаемого, предвидимого и реального, сбывшегося**. В футурологии, прогностике этот «люфт», расхождение ожидаемого и реального является источником нового знания; с фантастикой АБС в советском социокультурном пространстве дело обстояло иначе.

СБТ отразила специфику времени смены этапов в реализации проекта советского Модерна, приходящихся на послевоенный период; последний, как отмечает С. Кара-Мурза, делится на четыре этапа, которые имеют условные названия: восстановительный период и завершение сталинизма (1945 – 1953 гг.); «реформы Хрущева» и «оттепели» (1953 – 1964 гг.); «период застоя» (1965 – 1985 гг.); «перестройка» (1985 – 1991 гг.). При этом каждый этап был не только «крупным, важным для мира и опасным для России экспериментом» [7, с. 5]; эти этапы частично перекрывались именно во времени создания СБТ, и АБС улавливают невидимые борения различных трендов дальнейшего развития советского общества. Их специфика не только определяла социокультурный контекст создания СБТ как целостного феномена советской культуры, но особенности функционирования в социокультурном пространстве не только «оттепели», «застоя», но и «постперестройки» (после 1991 г.).

Тезис о принадлежности самого феномена АБС 60-м гг. не вызывал сомнения у всех исследователей. «Творчество братьев Стругацких, – отмечал В. Сербиненко, – всегда проходило под явственным знаком 60-х» [8, с.243], а, точнее, «оттепели» с её надеждами на близкое, радикальное, а – главное – безболезненное преобразование советского общества. Поэтому сам Б. Стругацкий считал СБТ своеобразным памятником «целой эпохе со всеми ее онерами – с ее горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое – добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, “фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия”» [2, с. 6]. Но это был взгляд из **«реальных 90-х»**, когда советское общество, советская цивилизация, в которой была создана СБТ, превратилась в «Красну Атлантиду».

Хронотоп **«будущего по СБТ»** во второй половине 50-х гг. XX в. определялся по иному: время действия повести отнесено на 90-е гг. XX в., а местом действия были Союз Советских Коммунистических Республик и Венера; будущее, образ которого начал формироваться в этом произведении, получит своё развитие конкретизацию в последующих ранних произведениях; здесь создаются те контуры Утопии, в которой будут активно жить герои, созданные воображением АБС. Однако «период застоя», пришедший на 1965 – 1985 гг., способствовал «виртуализации» хронотопа СБТ. «Угол расхождения» между реалиями СБТ, с одной стороны, и унылой реальностью брежневско-сусловского «развитого социализма» – с другой, катастрофически увеличивался. Динамика, многоцветье, порыв в будущее СБТ становились просто нетерпимыми для ревнителей официальной идеологии – особенно в сравнении с номенклатурными габардиновыми плащами, с некоторого времени заменившего небо над одной шестой частью суши. Точкой фокусировки этих противоположных тенденций и стали 90-е годы XX в. «Действие повести разворачивается как раз в девяностых годах нашего века – отмечал он в апреле 1992 г. Б. Стругацкий и констатировал – и практически ничего, ну ничегошеньки в повести не похоже на то, что реально окружает сегодня ее читателя!» [2, с. 6]. Это поразительное расхождение «будущего по СБТ», которое оказалось не наступившим, и реального будущего, прогноза и реальности, является *отправной точкой социокультурного анализа СБТ и контекста её создания*.

Научная «проекция» СБТ. СБТ положила начало разработке проблем социальной функции науки в советском обществе, вехой на пути которой стал «Понедельник

начинается в субботу» (1964). В этой книге, отмечают П. Вайль и А. Генис, «уже не осталось и следа туповатых ученых, дисциплинированно цитирующих «Правду» будущего. <...> Чтобы перегнать Запад по числу бомб и урожаям кукурузы, ученым необходима была определенная свобода. И они ее получили» [9, с.103-104]. Правда, ненадолго.

СБТ – феномен переходного периода в развитии самой НФ, постепенно отходившей от задач популяризации научных знаний. Однако в выборе Венеры как цели космического путешествия такая связь сохраняется; она была задана не только самой наукой середины XX в., но и определённым «давлением» того стремительного роста общественного интереса к науке вообще, астрономии, космонавтике (астронавтике) – в частности, который наблюдается во второй половине 50-х гг. XX в. и был связан с успехами в развитии ракетных технологий; СБТ отразила не только достигнутый уровень знаний о планетах Солнечной системы, но и надежды на возможность их скорого прямого исследования и освоения.

Во второй половине 50-х гг. XX в. крепла уверенность в том, что первые успехи советской науки в освоении Космоса закономерно приближают то время, когда человек начнет освоение к ближайших соседей Земли. Многочисленные произведения НФ о полётах к Луне и Марсу делали выбор Венеры как возможной цели космического полёта вполне неординарным и, как следствие, привлекательным. Тем более, что в Солнечной системе ближайшая к Земле планета – Венера – была окутана непроницаемым для средств оптической астрономии облачным покровом, который стал покровом Тайны. Вплоть до середины 60-х гг. XX в. среди астрономов шли дискуссии о том, каков же всё-таки период обращения Венеры: 15 часов или 225 земных суток? Почему углекислого газа на этой планете в 500 раз больше, чем на Земле? Какова температура поверхности планеты: +350°С или – 38°? Вся поверхность Венеры – океан? Почему он не выкипает? [10, с. 8 – 15]. Около *пятидесяти* различных *моделей Венеры* открывали широкий простор для имажинативного конструирования писателями-фантастами возможных сценариев её исследования и освоения землянами [11, с. 65 – 67].

Наиболее благоприятные возможности для освоения Венеры открывала модель, которая может быть названа *«геоморфная Венера»*, которая получила распространение на протяжении второй половины XIX – первой половины XX вв. в науке, и – что особенно важно, – за её пределами. В 50-е гг. XX в. многие ученые, среди которых были Г.А. Тихов, И.М.Забелин и др., полагали, что природные условия на Венере напоминают те, которые господствовали на Земле в геологическом прошлом, когда Землю окутывала влажная, насыщенная углекислым газом атмосфера. Возникали широкие обобщения о наличии «пояса жизни», «экосферы Солнца», в которую, наряду с Землёй и Марсом, входила Венера (См. табл.1). Модель *«геоморфная Венера»* превратилась в психологическую, социокультурную установку значительной части научного сообщества, а затем и массового сознания; она стала органической частью *личностного знания* значительного числа современников. Предположения о том, что соседняя планета является наиболее вероятным *очагом жизни в Солнечной системе* сохранялись ещё в начале 60-х гг. XX в., вплоть до начала прямых исследований Венеры.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика планет в астроботанике

ПЛАНЕТА	КЛИМАТ	ОСНОВНОЙ ЦВЕТ РАСТИТЕЛЬНОСТИ
Венера	Жаркий	Желтый, оранжевый или красный
Земля	Мягкий	Зелёный
Марс	Суровый	Сине-голубой

Конечно, в случае *«геоморфной Венеры»* речь шла не о венерианском человечестве, а об иных, скорее всего ранних, формах жизни. Согласно этой модели планета могла быть

покрыта деревьями, похожими на плауны, папоротники и т.д., иметь фауну, сходную с земными динозаврами (Показательным в этом отношении стал фильм «Планета бурь» П. Клушанцева; 1962). Транслятором этих представлений в отечественном социокультурном пространстве была *школа астроботаники*, созданной известным астрономом, талантливым популяризатором науки, членом-корреспондентом АН СССР Г.А.Тиховым [12, с. 96 – 111]. Концепции его школы укрепляли образ «Венеры цветущей», поверхность которой была обильно покрытой красноватыми полями и оранжевыми лесами. Распространение концепций астроботаники в советском социокультурном пространстве стимулировало развитие актуального мифотворчества (напр., «Гунгусский феномен» – космический корабль с Венеры). Эти построения делали Венеру вполне человекосоразмерной, а в перспективе и вполне *доступным ресурсом человечества*.

Но мало кто предполагал, что действительность окажется столь неожиданно суровой. Во второй половине 60-х гг. XX в. пришлось проститься не только с мечтами о «Венере цветущей». Температура у поверхности Венеры оказалась равной $+470^{\circ}\text{C}$, давление у поверхности – 93 атм . И только на высоте 55 км давление и температура были примерно такие же, как на Земле, -0°C и 1 атм . Модель «Венера – ресурс человечества» также оказалась несостоятельной, *практическая космонавтика на длительное время утратила важнейшую потенциальную цель для пилотируемых полётов*, СБТ – одно из важнейших «онтологических оснований», а её недоброжелатели – официальный предлог для забвения. Но, как заметил Ю.И. Кагарлицкий, «мы знаем, что авторы не угадали правду о Венере. Но кто мешает нам представить какую-либо иную из бесчисленного множества планет, где условия окажутся сходными с «Венерой» «Страны багровых туч»?» [13, с. 488]. И с этим трудно не согласиться.

Технико-технологическая «проекция» СБТ. Идея полёта на Венеру как составной элемент теоретической нерелятивистской космонавтики прочно вошла в контекст социокультурного пространства 50-х гг. В это время её активными популяризаторами стали Б.В. Ляпунов, Ю.С. Хлебцевич [14, с. 53 – 56], А.А. Штернфельд [15, с. 140 – 148] и др.

Средство полёта на Венеру, предложенное АБС – *фотонная ракета* – отличалась новизной и оригинальностью; она была не просто литературной условностью, – как, например, космические корабли в произведениях «золотого века» англо-американской НФ, оснащённые весьма условными атомными «конвертерами». Проект такой ракеты, предложенный Е. Зенгером, был не только важным шагом в создании *основ релятивистской теоретической космонавтики*, вполне укладываясь в контекст общей констатации необходимости создания атомных, ионных, солнечных ракетных двигателей, необходимых для освоения Солнечной системы человеком [16, с. 30]. Он имел самостоятельные социокультурные измерения.

Фотонная ракета рассматривалась не только как средство проникновения в космос с целью его технико-технологического освоения, качественного расширения пространственного ареала расселения человечества за пределы Земли. Е.Зенгер исходил из необходимости признания уже в недалеком будущем не только аморальности и бессмысленности войны как социального явления, но и как реальной угрозы крушения всего мирового хозяйства. Важнейшим средством построения мира без войн, считал Е.Зенгер, «является “полет в пространство”, который мы не хотим считать ни гражданским, ни военным, но который, ... не будет иметь ничего общего с архаическим понятием войн между людьми» [17, с. 13]. «Полет в пространство ... удовлетворит глубокую потребность людей в приключениях, в разрядке избытка жизненных сил, в неведомых новых горизонтах.» [17, с. 13]. Поэтому герои СБТ часто и пространно цитируют работу Е. Зенгера «К механике фотонных ракет». Однако многочисленные проекты таких ракет, получившие распространение в массовой научно-популярной литературе, были показателем, прежде всего, переоценки эпохой своих технико-

технологических возможностей, феноменами актуального социотехнического мифотворчества эпохи.

Начальный этап НТР выявил тенденцию к неуклонному **повышению организационной роли государства** в осуществлении крупных научно-технических проектов. СБТ уверенно опровергает тезис Ст. Лема о том, что НФ не смогла предсказать «истинные размеры предприятий типа космонавтических, а еще раньше – моторизационных (то есть автомобильных), авиационных и других», а также средств, необходимых для этого, цивилизационных последствий развития в этих областях техники [18, с. 506]. Недооценка советского «сектора» мировой ФН привела Ст. Лема и к другим досадным неточностям. В произведениях НФ, по его мнению, «...не предполагалось, что космонавтика станет предметом межгосударственного соперничества, что ею станут заниматься огромные человеческие коллективы,...что, одним словом, План Государственный доминирует в ней над Романтическим Приключением, систематичность усилий – над всяческой импровизацией» [18, с. 507]. Но как раз все эти тезисы и были положены АБС в основу своей повести.

В отличие от других произведений НФ, посвященных полётам на Венеру, организатором этой экспедиции в СБТ был ГКМПС – Государственный Комитет Межпланетных Сообщений при Совете Министров. Однако на протяжении существования СССР (в отличие от США, где было создано NASA) даже в условиях господства командно-административной системы такой координирующий орган не был создан, субъектами космической деятельности (после смерти С.П. Королёва, в характере, деловом стиле которого оказалось очень много сходного с главой ГКМПС Н.З. Краюхиным) были отдельные, конкурирующие между собой КБ. Так возникали дополнительные факторы торможения отечественной космонавтики, отодвигающие на неопределённую перспективу не только гипотетическую фотонную ракету СБТ, но и приводящую к реальным техническим провалам советской лунной программы, проекта МТКК «Буран», эксплуатации РН «Энергия» и т.д.

Литературная «проекция» СБТ. В СБТ присуще *общелитературное измерение*; это произведение явилось своеобразным космоизирующимся, негеоцентрическим измерением сложного и противоречивого явления советской не только литературы, но и культуры в целом – **«производственного романа»**. Как явление культуры он имел и имеет множество как «за» и «против»; критические стрелы, выпущенные в адрес этого феномена «демократической критикой» в 80-е гг. XX в. во многом были односторонними и предвзятыми – это подтвердила последующая тотальная деморализация «постсоветского» общества, девальвация труда как фундаментальной социальной ценности. В СБТ ареной творческого труда человека была уже не только Земля, но и соседняя планета Солнечной системы.

Появление СБТ было обусловлено также изменением самого вектора развития НФ в конце 50-х гг. XX в. – от отходе от фантастики «ближнего прицела», возвращение идей философского космизма как мировоззренческих доминант дальнейшего развития НФ. Этот поворот был намечен трилогией Г. Мартынова «Звездоплаватели», посвященной также полёту на геоморфную Венеру («220 дней на звездолёте»; «Сестра Земли»; «Наследство фаэтонцев»); он стал необратимым с выходом в свет грандиозной по масштабам **социокультурной полифонической Новой Утопии** – «Туманности Андромеды» (1957) И.А. Ефремова, которая явилась не только отображением успехов начального этапа НТР, но и уверенно заняла место в одном ряду с «Утопией» Т. Мора, «Городом Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантидой» Ф. Бэкона, расширяя хронотоп идеального общества Земли до масштабов Галактики.

Социально-этическая «проекция» СБТ. СБТ находится в контексте поисков этических обоснований проекта советского Модерна. Одной из его существенных черт был **интернационализм**, идея братства людей различных народов и рас, объединённых «общим делом» покорения земной и внеземной природы (латентная форма идей

Н.Ф. Фёдорова в советском социокультурном пространстве). Интернационализм получает дополнительный импульс развития во времена «оттепели»; его новые измерения пытаются «оконтурить» АБС в СБТ. «Поражает этнографический и географический разброс упоминаемых в книгах АБС имен.<...> Это был не казенный «интернационализм» советских времен, когда нужные национальности следовало выдавать по разнарядке в строго отмеренных пропорциях, а настоящий взгляд людей, представляющих на страницах своих произведений все человечество» [19, с. 7]. Это видение «многонационального Космоса», которое мы видим и в творчестве близкого по духу АБС А. Кларка, было положено уже в СБТ.

Менталитету советской цивилизации было органически присуще представление о «настоящем человеке», *человеке-герое* и одновременно *человеке-коллективисте*. Архаичные черты советского Модерна, неприятие индивидуализма, составляющего социокультурную основу Модерна западного, актуализировали архетипы далёкого, и, казалось бы, преодоленного мифологического прошлого. В социокультурном пространстве Архаики внутреннее и внешнее единство личности и коллектива становится близким и нерасторжимым; «родо-племенная община в эпоху своего расцвета, – писал А.Ф. Лосев, – является таким мощным монолитом, что она только и состоит из героев» [20, с. 171]. Советский Модерн пытается восстановить на новой технико-технологической, социальной основе безусловное внутреннее и внешнее единство личности и коллектива, пытается формировать монолит, состоящий из героев. И этот тренд (в дальнейшем в 70-80-е гг. XX в. стремительно затухающий) хорошо улавливает СБТ, в хронотопе которой «малoverы», «нытики» и консерваторы оттеснены в безнадёжный социокультурный андеграунд.

Своеобразная попытка возрождения в условиях советского Модерна *эпического героизма* в очередной раз воплощается в мировоззрении героя, основанном на приоритете общих (общинных, коллективных) интересов над личными. И здесь СБТ отразила существенную закономерность в развитии культуры; как отмечал С.Б. Крымский, «в культуре мы встречаемся с феноменом воспроизведения в будущем самых ранних форм прошлого» [21, с. 38]. Анализируя социокультурную реальность зрелой Архаики, А.Ф. Лосев даёт характеристику героя, героической личности, важную и для понимания этических измерений СБТ. Героическая личность Архаики все еще чувствует свое тождество с общинно-родовой формацией. И этот индивидуум, «наделенный мощью своей родовой общины, чтобы быть уже в силах ее сознательно организовывать и защищать, и является героем» [22, с.38-39]. Герой – репрезентант новой общности людей завтрашнего дня, герой-организатор, герой-защитник – занимает центральное место в хронотопе не только СБТ, но и других произведений ранних АБС.

Однако по мере дальнейшего развития «антропологический монолит» советского Модерна давал всё более заметные трещины, размывающие его доктринальные основы. Прежде всего, в проекте советского Модерна не была решена фундаментальная проблема преемственности в его реализации; этапы его реализации разделяли глубокие и драматические разрывы, которые проявились уже в 20-е гг. XX в.– прежде всего, разрывы поколений (проблема «отцов и детей»), разрывы ценностных установок и норм; эти разрывы определили социокод развития советской цивилизации, обусловили неустойчивость её развития. Особенно наглядно и разрушительно они проявились в «период застоя», обозначив пределы социокультурного реформирования советского общества; гуманистические ценности «оттепели» оказались не поддающимися установке в мировоззренческое сознание общества, вступившего в полосу кризисного развития. «Застой» выявил слабость «антропологических оснований» проекта советского Модерна; нарастающий разрыв «будущего по АБС» и конструктов официальной «идеологии оптимизма» на фоне неуклонно деградирующего общества становился особенно очевидным. СБТ выдавливалась в маргинальность.

Парадоксы СБТ, их возможные интерпретации. В СБТ «коммунистическое общество, – отмечают П. Вайль и А. Генис, – еще очень мало отличается от советской действительности ранних 50-х» [9, с. 103]. У учеников, почитателей и последователей АБС возникали вполне естественные и допустимые вопросы, само появление которых отразило качественные сдвиги в отечественном социокультурном пространстве: а если бы «восстановительный период и завершение сталинизма 1945 – 1953 гг.» пролонгировался в «поздние 50-е», 60-е и дальше, и дальше...? Могла ли фотонная ракета, как ранее это случилось с атомной энергетикой, стать частью «мобилизационного проекта»? Как отмечал в одной из своих работ В.В. Налимов, «различие в культурах – это, прежде всего, различие в разрешенных вопросах» [23, с. 140]. В самой возможности задавать эти вопросы и искать на них ответы проявились качественные изменения, произошедшие в «постперестроечном» социокультурном пространстве.

Возможность различных философско-культурологических прочтений СБТ определяет его внимательный логико-текстологический анализ. Нельзя не обратить внимание на известное *«социокультурное мерцание»*, вариативность экипировки главного героя СБТ А.Быкова, впервые прибывшего в ГКМПС. В одном случае герой поправляет куртку, в другом – гимнастёрку [2, с. 10, 22]. Но куртка и гимнастёрка принадлежат к разным культурным рядам, являются атрибутикой качественно различных реальностей.

Это текстуальное «мерцание» является наиболее ярким феноменом, открывающим целый ряд *«парадоксов СБТ»*, рассогласованных фактов, обстоятельств, деталей её хронотопа. Прежде всего, вызывают недоумение неосведомлённость главного героя СБТ о самом ГКМПС – эту аббревиатуру он расшифровывает как «Государственный комитет по международным политехническим связям» [2, с. 17]. Удивительную неосведомлённость Алексей Быков – три года занимавший должность начальника колонны атомных транспортёров-вездеходов гобийской базы, автор статей о ремонте моторных реакторов в полевых условиях [2, с.13-14] – проявляет и относительно использования атомной энергии в ракетно-космической технике; антирадиационный костюм системы Краюхина вызывает у А. Быкова удивление, граничащее с шоком [2, с. 10 – 11, 12]. Кроме того, факты взрыва беспилотного «Змея Горыныча», смерть первого пилота фотонного корабля Ашота Петросяна также, похоже, для него являются новостью. Возможно, здесь главный герой подчиняется популяризаторским стереотипам «фантастики ближнего прицела» и его удивление было бы вполне объяснимо у другого персонажа подобных произведений – «зайца», который ради реализации дидактических целей конкретного произведения НФ оказывается на борту подводной лодки, космического корабля и т.д. А вполне возможен и другой вариант, – специфика социокоммуникативного пространства СБТ является имажинативной реконструкцией возможной пролонгации в будущее реальностей *мобилизационного проекта советского Модерна*, из которого в силу неких обстоятельств «выпали» т. н. «реформы Хрущева» и вся «оттепель»...

Виртуальная «проекция» СБТ и альтернативная история. Интуиция писателей отнесла время старта фотонного космического корабля «Хиуса» на 18 августа 1991 г. – время реального «ветвления исторических последовательностей», когда определялась траектория движения не только СССР, но и всего человечества на многие десятилетия, если не столетия. Интуиции писателей приходится удивляться и в этом случае. Полученный ими результат, отмечали фантастиковеды, «так удачно накладываясь на наше время, побуждал продолжить сопоставление внутри текста повести, спроецировать события на реальную систему координат» [24, с. 55]. Реализацией этого подхода явилось направление, первоначально возникшее в НФ, а в 90-х гг. вышедшее за её пределы; оно получило название *альтернативной, или виртуальной истории*, – о ней пишут не только критики НФ [25], но и философы [26]. Этот подход может быть применим и к СБТ.

Одним из *направлений* решения проблемы виртуальной «проекции» СБТ стало «имажинативное конструирование» иных «социальных последовательностей»,

представленное художественно-публицистическими, по существу мини-монографиями С.Б. Переслегина; в его «событийные ряды» вполне органично «вписывались» бы рассогласованные с нашей состоявшейся историей социокультурные реальности «мира СБТ» [3, с.5-39]. История у С.Б. Переслегина, из которой «выпали» существенные катаклизмы XX в., идёт более быстрыми темпами: от первых шагов человечества в Космос, первых спутников – к первой лунной экспедиции Эрика Хартмана 1949 г.; от первой марсианской экспедиции 1959 года – к штурму венерианской Урановой Голконды кораблями типа «Хиус», которое переросло в стремительное освоение пояса малых планет и формирование Евразийского Коммунистического Союза. Эпоха блистательных космолетчиков, покоривших Солнечную систему – Соколовского, Ермакова, Быкова, Юрковского, Дауте, Крутикова, – завершилась к началу первого десятилетия XXI века. К этому времени Солнечная система была освоена от орбиты Венеры до орбиты Сатурна, обеспечив технико-экономический плацдарм для Первой Межзвездной экспедиции 2005 г.

Другое решение «парадоксов СБТ», её виртуально-исторической «проекции» было предложено В. Щепетневым, одним из участников проекта «Время учеников», в рассказе «Позолоченная рыбка» [27, с. 17 – 34]. Как и СБТ, он имеет подзаголовок «Эпилог № 2». И как отметил А. Чертков «если бы его написали сами Стругацкие, но сорок лет спустя, он, не исключая, имел бы ту же тональность» [27, с. 14]. Полёт на Венеру преследует цели, достижение которых вызывает глубочайшие геополитические сдвиги, не ожидаемые многими из непосредственных участников этих событий. «Неоттепельному» руководству страны, отправившей на Венеру «Хиус», нужны, прежде всего, микроорганизмы, «что актиноидами питаются, ураном, плутонием. Мы их привезли, тут немножко над ними поколдовали, а потом распылили в нужном месте и в нужном количестве. Все ядерное оружие атлантатов и того... сгнило, в общем». В результате – Детройт, Филадельфия, Бостон и другие, – с одной стороны, Москва с Киевом – с другой стали ценой победы СССР над «последней цитаделью империализма». «Разбомбили города, крепко разбомбили. Иначе с чего бы они капитулировали, американцы. Как начали – по городу в час, так они и не выдержали, – нехотя объяснил Юрковский» [27, с. 32, 31]. Реальности 90-х гг. XX в. оказались жестокими, как и в «Эпилоге» В. Щепетнева, – если бы «сгнило» российское ядерное оружие, счёт был бы обратным. В уже реальном ядерном огне горели бы города «последней империи зла», – Мурманск, Владивосток, Астрахань и другие – что убедительно и недвусмысленно и засвидетельствовали реально разрушенные Белград и Багдад.

Новые прочтения финала СБТ отразили *трансформацию* в новом социокультурном контексте *утопии в антиутопию*. Герой СБТ Алексей Быков по В. Щепетневу уже просит реабилитации «Олейникова Василия Михайловича, осужденного по указу от девятого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года» – отца спецпереселенки, невесты покорителя Венеры [27, с. 30].

Выводы. Социокультурное пространство каждой эпохи имеет свою собственную *геометрию*. Именно в его координатах артефакты культуры позиционируются в эмпирически и теоретически фиксируемых проекциях. В СБТ как целостном феномене культуры эпохи присутствует определённый их *набор: социокультурная*, позволяющая выявить локальную и глобализированную контекстуальность данного произведения; *научная*, решающей проблему рациональной обоснованности хронотопа СБТ; *технико-технологическая*, ставящая в новом ракурсе проблему социальной роли науки, которая приобрела остроту с началом НТР; *литературная*, определяющей отношения со сложившейся традицией, с «фантастикой ближнего прицела»; *социально-этическая*, направленная на поиск общественного идеала в условиях глубокой социокультурной трансформации социума; *социальная*, обращённая к анализу тех новых реалий, разноуровневых трендов развития общества, которые складывались или проявлялись на рубеже 50-х – 60-х гг. XX в.; наконец, это виртуальная «проекция» СБТ, позволяющая не

только конструировать «альтернативные истории», но и фиксировать тренды актуального развития социума. Отмеченные подходы позволяют решать парадоксы СБТ, предлагать их возможные интерпретации. Отказавшись от идеи коммунизма на Земле, «постсоветские» сообщества оказались на пути к государству капиталистического благополучия, мираж которого был создан на новых идеологических горизонтах. Но линия любого горизонта – увы! – имеет вполне определённое свойство удаляться по мере приближения к ней. Это убедительно продемонстрировал кризис глобального капитализма, начавшийся в 2008 г. и уверенный рост китайской экономики на его фоне. Поэтому всё чаще возникают вполне резонные вопросы о векторе дальнейшего развития не только «постсоветских» сообществ, но и человечества в целом. Его ориентиры у всё большего круга наших современников будут задаваться произведениями АБС, в том числе и дебютной СБТ.

Перечень ссылок

1. Плебанек, О. В. Постсоветский советологический дискурс [Текст] /О. В. Плебанек // Вопросы культурологии. – 2008. – № 11. – С. 74-76.
2. Стругацкий А. Собрание сочинений [Текст] / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – В 10 Т.; 2-й, доп. том. – М.: «Текст», 1993. – 479 с.
3. Переслегин, С. Б. Бриллиантовые дороги [Текст] / С. Б. Переслегин // Стругацкие А. и Б. Страна багровых туч; Путь на Амальтею; Стажеры. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998. – С. 5-39.
4. Щедрін А.Т. «Вторинна» міфотворчість як соціокультурний феномен: (проблеми релігієзнавчо-культурологічного аналізу): Моногр. /А.Т.Щедрін; Харк.держ. акад. культури. – Харків: ХДАК, 2007. – 430 с.
5. Струмилин, С.Г. Наш мир через 20 лет [Текст] / С.Г. Струмилин. – М.: «Советская Россия», 1964. – 190 с., с илл. 2 л. илл.
6. Стругацкий А. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 1: 1955-1959 гг.[Текст] / А. Стругацкий, Б. Стругацкий. – Донецк: «Сталкер»;СПб.: «Terra Fantastica» Издательского Дома «Corvus», 2000.– 672 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 688 с. (Серия: История России. Современный взгляд).
8. Сербиненко В. Три века скитаний в мире утопии. Читая братьев Стругацких / В. Сербиненко // НМ. – 1989. – №5. – С. 242 – 255.
9. Вайль П. 60-е. Мир советского человека [Текст] / П. Вайль, А. Генис. – М.: «Новое книжное обозрение», 1996. – 368 с.
- 10.Мартынов, Д. Я. Загадка Венеры [Текст] / Д. Я. Мартынов // Природа. – 1960. – № 10. – С.8-15.
11. Щедрин А.Т. Человек и Венера : прошлое, настоящее и будущее. Часть 3.// Очевидное и Невероятное. – 2010. – №7. – С.65-73.
- 12.Тихов, Г.А. К вопросу о растительной жизни на Марсе и Венере [Текст] / Г.А.Тихов // Г.А.Тихов. Основные труды. Т.V. – Алма-Ата, 1960. – С. 96-111.
- 13.Стругацкий, А. Страна багровых туч: Повесть: [Текст] / А.Стругацкий, Б. Стругацкий / Худож. В.Юдин // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч; Днепров А. Глиняный бог. Послесл., с.486-494, Ю.Кагарлицкого. – М.: Дет. лит., 1969. – С. 5-282. – (Б-ка приключений. В 20 т. Т. 17).
14. Хлебцевич Ю.С. Плёт на Венеру [Текст] / Ю.С. Хлебцевич // Наука и жизнь. – 1957. – № 8. – С.53-56.
15. Штернфельд, А.А. Парадоксы космонавтики [Текст] / А.А. Штернфельд; [Вступит. Т. Волковицкой, В.И. Прищепы]. – М.: Наука, 1991.-154, [1]с.: ил.
16. Петрович, Г.В. Основные проблемы космонавтики [Текст] / Г.В.Петрович // Вестник АН СССР. – 1958. – № 6. – С.28-34.
17. Зенгер, Е. К механике фотонных ракет [Текст] / Е. Зенгер; Пер. с нем. В.М. Пацкевича; Под. ред. И.М. Халатникова. – М.: ИЛ, 1958. – 144 с., с черт.
18. Лем, Ст. Фантастика и футурология: В 2 кн.[Текст] / Ст. Лем; Пер. с польск. С. Макарецца под ред.В.И.Борисова – М.: ООО «АСТ»: ЗАО «Ермак», 2004. Кн.2. – 667, [5] с.
19. Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: Том 1, А – Л. / Сост. В. Борисов. – М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"»; СПб.: Terra Fantastica, 1999. –544 с. – (Миры братьев Стругацких).
20. Лосев, А.Ф. Гомер [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1960. – 350 с.

21. Крымский, С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории [Текст] / С.Б. Крымский // ВФ. – 2001. – № – 6. – С. 32-41.
22. Лосев, А.Ф. Античная философия истории [Текст] / А.Ф. Лосев. – СПб.: Алетейя, 2001.– 256 с.
23. Налимов В.В. Логика принятия гипотез в развитии научного познания [Текст] / В. В. Налимов // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. – М., 1980. – С. 139-176.
24. Лифанов С. Планета Венера : 1991, август – сентябрь. Хроника одной экспедиции [Текст] / С. Лифанов // Уральский следопыт.– 1991.– № 10.– С. 53-55.
25. Еременко, А.М. О виртуальности виртуальной истории [Текст] / А.М. Еременко // Человек. – 2002. – № 3. – С. 124-139.
26. Гончаров, В. История: есть варианты / Владислав Гончаров // Если. – 1998.– №3. – С. 261-266.
27. Время учеников 2: Сборник [Текст] / Сост. и предисл. А. Черткова; Ил. Я. Ашмариной, И. Куприна, В. Ноздрина и др.– М.: 000 «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000.– 560 с., с. ил. – (Миры братьев Стругацких).